
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ В РАМКАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Г.И. Муромцев, Р.А. Сорочкин

Кафедра теории и истории государства и права
Кафедра уголовного права и процесса
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются теоретические и практические уголовно-правовые проблемы, связанные с применением положений п. «о» ч. 1 ст. 63 УК в совокупности с системой положений уголовного закона о борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: противодействие коррупции, назначение наказания, органы внутренних дел.

Судебная практика последних лет показывает, что самыми распространенными субъектами коррупционных преступлений являются государственные и муниципальные служащие.

Вместе с тем, несмотря на длительность научного изучения коррупции и научной разработки понятия и состава коррупционных преступлений, до настоящего времени уголовно-правовая наука не пришла к единому мнению о понятии субъектов указанных преступлений.

Отсутствие системного исследования определения отечественного понятия и круга субъектов указанных преступлений породило ряд негативных последствий в правоприменении.

Так, одним из следствий это обстоятельства явилось и то, что предусмотренное законодателем в ст. 285 УК РФ понятие должностного лица не находит поддержки у ученых и практиков, так как порождает трудности при квалификации коррупционных преступлений. Несмотря на то, что законодатель, Верховный суд постоянно обращаются к толкованию терминов «должностное лицо», «субъект коррупционных преступлений», абсолютной ясности в этом вопросе нет.

К примеру, изменение организационно-правовых форм предприятий, учреждений, различных органов было вызвано акционированием, приватизацией, сменой собственников. Появившиеся «недолжностные» с точки зрения закона лица осуществляют функции, которые ранее были государственными и после их передачи в другие руки не потеряли своей значимости. Но, выполняя функции государственного контроля, совершая преступления, связанные с получением незаконного имущественного вознаграждения за реализацию этих функций в пользу вознаграждающего их лица, они не несут уголовной ответственности за взяточничество.

Другим подобным негативным следствием явилось, на наш взгляд, изменение норм уголовного закона об обстоятельствах, отягчающих наказание.

Речь идет о введенном Федеральным законом Российской Федерации № 155-ФЗ от 22.07.2010 п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ — «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел».

Нельзя оспаривать существующее положение вещей: правоприменительная практика доказывает, что сотрудники системы Министерства внутренних дел Российской Федерации действительно достаточно часто совершают преступления коррупционной направленности.

Во многом такая ситуация объясняется, по нашему мнению, рядом фактических обстоятельств. Среди них — сравнительно небольшое официальное денежное довольствие, полагавшееся сотрудникам МВД до недавно проведенной реформы этого ведомства. Кроме того, содержание службы сотрудников этого масштабного ведомства как нигде в других государственных органах состоит в ежедневной реализации властных полномочий: даже рядовой сотрудник данного министерства имеет значительные права на ограничение конституционных прав неопределенного круга граждан и неграждан нашей страны.

Отстаивая обоснованность появления п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ, С.С. Медведев и А.В. Лысенко указывают на следующие обстоятельства: «сотрудники органов внутренних дел, совершающие умышленные преступления, обладают знаниями оперативно-розыскной деятельности, положениями криминалистики, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в силу чего могут успешно скрывать следы совершенного преступления; ...более «безопасно» совершать преступления в отношении лиц, нарушивших закон, которые боятся наказания за свои деяния и не верят в возможность привлечения виновных сотрудников к ответственности. Первоначальный доступ к данной категории лиц имеется у сотрудников органа внутренних дел, которые в первую очередь контактируют с задержанными...; многие руководители органов внутренних дел осуществляют попустительство по службе подчиненным и всячески препятствуют рассмотрению правонарушений своих подчиненных, совершаемых ими якобы в целях раскрытия тяжких преступлений, так как не желают портить показатели работы своих подразделений фактами нарушения законности» [5].

Однако в целом по России сотрудники органов внутренних дел не являются самыми коррумпированными. Так, по данным председателя Верховного Суда России, среди осужденных за получение взятки по роду деятельности лидируют государственные и муниципальные служащие — 38%, работники системы здравоохранения — 20%, работники в сфере образования — почти 10% [1].

Следует констатировать и состояние общественного мнения, которое склоняется к выводу о высоком уровне коррупции в рядах сотрудников данного ведомства.

Вышеуказанные факторы, как представляется, обусловили реформу в том числе и уголовного законодательства, направленную на противодействие коррупции в органах внутренних дел.

В результате ч. 1 ст. 63 УК была дополнена пунктом «о».

При этом представители уголовно-правовой науки отмечают наличие, на их взгляд, недостаточной научной проработанности данных положений. Так, в частности, С.С. Медведев и А.В. Лысенко обоснованно предлагают Верховному Суду РФ дать разъяснение на вопрос о том, «как будет учитываться при назначении наказания совершение преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения, и совершение этого же преступления сотрудником органа внутренних дел, если злоумышленник — одно лицо?» [5]. Ряд ученых считают новое отягчающее наказание обстоятельство не соответствующим принципам равенства и справедливости [2; 3].

Считаем, что введение подобного отягчающего наказание обстоятельства не является правильным шагом на пути противодействия коррупции, в связи с наличием прежде всего сомнений в его социальной и правовой обусловленности, а также с учетом аргументов, ранее высказанных А.В. Елинским, С.С. Медведевым, А.В. Лысенко, Т. Кленовой.

Так, в связи с рассматриваемой проблематикой уместно вспомнить общие критерии социальной и правовой обусловленности любой уголовно-правовой нормы.

«Социально обусловленной уголовно-правовую норму можно считать, когда она квалифицирует деяние, которое: 1) причиняет существенный вред социалистическим общественным отношениям; 2) выявляет антиобщественную установку или антиобщественную ориентацию личности; 3) получило такое распространение, что в целом как социальное явление представляет значительную общественную опасность; 4) иные, кроме уголовно-правовых, меры не могут оказать сдерживающего влияния; 5) социальная психология и правосознание граждан созрели для восприятия такого деяния как преступления; 6) установленная ответственность соответствует уровню социалистических общественных отношений, закономерностям развития социалистического общества; 7) она соответствует также принципам и тенденциям эволюции советского уголовного права. Перечисленные критерии могут свидетельствовать о социальной обусловленности уголовно-правовой нормы только в совокупности» [4. С. 114]. Авторы не оспаривают данное высказывание Г.А. Кригера и Н.Ф. Кузнецовой, находя его в целом верным, естественно, за исключением терминов «социалистический» и «советский» применительно к настоящему этапу развития общественных отношений в Российской Федерации. Аналогичную позицию занимает профессор А.В. Наумов: «Общим основанием криминализации (так же, как и декриминализации) соответствующих деяний является переоценка степени их общественной опасности» [6. С. 124].

По нашему мнению, критериями правовой обусловленности новой уголовно-правовой нормы можно назвать: 1) непротиворечивость новой нормы иным нормам уголовного права, чтобы их можно было применять в совокупности; 2) отсутствие иной уголовно-правовой нормы, уже существующей по данной проблематике.

На взгляд автора, положения уголовного закона о вышеуказанном отягчающем обстоятельстве не соответствуют приведенным выше критериям по следующим причинам.

Преступления, в том числе коррупционной направленности, совершаются не только сотрудниками органов внутренних дел. В качественном аспекте преступления указанной направленности не имеют столь высокого уровня общественной опасности, чтобы можно было вести речь о том, что преступные коррупционные действия сотрудников органов внутренних дел имеют несравнимо большую опасность, чем аналогичные действия сотрудников других правоохранительных органов, а также сотрудников иных органов законодательной, судебной и исполнительной власти в целом.

Критикуемая новелла противоречит принципу равенства перед законом. Ведь наказуемость сотрудников других правоохранительных органов устанавливается без учета персонального места службы в конкретном правоохранительном ведомстве.

Наказуемость преступлений коррупционной направленности определяется сегодня в статьях Особенной части УК в соответствии с квалифицирующими признаками конкретного состава преступления, имеющегося в деянии виновного, в том числе с учетом такого признака, как специальный субъект преступления, предусмотренного конкретной статьей Особенной части УК. И в этом, на наш взгляд, реализуется в том числе принцип равенства всех перед законом и судом: государственные служащие подлежат привлечению к уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности, в том числе независимо от наименования государственного органа, в котором они несут свою службу.

Разумеется, уголовный закон содержит исключения, выделяя ряд специальных субъектов, уголовное наказание которых за коррупцию является более жестоким, однако и в данных случаях речь идет не о сотрудниках конкретного ведомства, а о лицах, облеченных исключительно более значимыми и масштабными властными полномочиями. Речь идет, к примеру, о лицах, занимающих государственные должности Российской Федерации или субъекта РФ, или главах органа местного самоуправления (ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 286, ч. 4 ст. 290 УК РФ).

Каждый сотрудник органов внутренних дел такими полномочиями не обладает.

В этой связи исключительно значимым является Определение Конституционного Суда РФ «По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» № 1623-О-О от 08.12.2011.

Указанный городской суд рассматривал уголовное дело, в рамках которого В.В. Фролов обвинялся по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, при этом в обвинительном заключении указывалось на наличие в его действиях анализируемого отягчающего наказание обстоятельства. Данные обстоятельства городской суд оценил как основание для запроса в КС РФ, поскольку, по его мнению, п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ противоречит принципу равенства всех перед законом и судом, так как приводит к дискриминации по профессиональному признаку сотрудников органов внутренних дел при привлечении их к уголовной ответственности и тем самым не соответствует ст. 19 Конституции Российской Федерации, а также положениям Международного пакта о гражданских и политических правах (ст. 26) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 14).

Конституционный Суд РФ признал запрос Лабытнангского городского суда не подлежащим рассмотрению, аргументировав свою позицию следующим образом: «Совершение сотрудниками органов внутренних дел, на которых возложена исключительная по своему объему и характеру — даже в сравнении с сотрудниками иных правоохранительных органов — ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка, умышленного преступления свидетельствует об их осознанном, вопреки профессиональному долгу и принятой присяге, противопоставлении себя целям и задачам деятельности полиции, что способствует формированию негативного отношения к органам внутренних дел и институтам государственной власти в целом, деформирует нравственные основания взаимодействия личности, общества и государства, подрывает уважение к закону и необходимости его безусловного соблюдения и, как следствие, предполагает допустимость поиска законодателем наиболее адекватных мер уголовно-правового регулирования на подобного рода преступные деяния, в том числе при определении общих начал назначения уголовного наказания».

Таким образом, для правоприменителей проблема применения п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ формально решена, в силу наличия юридически обязательного определения КС РФ.

Вместе с тем считаем аргументацию КС РФ недостаточной. Ведь равная ответственность по непосредственной защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка непосредственно возложена на сотрудников многих иных правоохранительных, военных органов, органов МЧС, прокуратуры и других органов; сотрудники ряда этих органов имеют абсолютно идентичный с сотрудниками МВД РФ круг властных полномочий (например, оперуполномоченные и следователи ФСКН и ФСБ РФ).

В приведенной выше аргументации КС РФ есть ряд логических противоречий: во-первых, любой государственный, муниципальный служащий, военнослужащий, а не только сотрудник органов МВД РФ, равным образом совершением преступления подрывает веру народа в государственные институты; во-вторых, полагаем, что доверие людей к государству подорвет не любое преступление, совершенное государственными служащими, а скорее коррупционное преступление или иное их преступление, но связанное с исполнением обязанностей своей службы; довод КС РФ о том, что сотрудник МВД своим умышленным преступлением противопоставляет себя целям полиции, юридически некорректен — далеко не все сотрудники органов внутренних дел являются сотрудниками полиции.

Нарушается принцип справедливости — в нарушение ч. 2 ст. 6 УК виновный фактически вынужден нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Так, при наличии оспариваемой новеллы уголовного закона имеет место «двойная» наказуемость преступлений коррупционной направленности, выражающаяся в следующем.

Сегодня привлечение коррупционеров к уголовной ответственности за иные, помимо взяток и превышения и злоупотребления должностными полно-

мочиями, преступления реализуется в том числе с помощью механизма использования в статье Особенной части УК квалифицирующего признака совершения умышленного преступления «с использованием служебного положения» (при неосторожной форме вины субъект, разумеется, не может иметь намерений воспользоваться «служебным положением»). Типичный пример: мошенничество с использованием служебного положения, выражающееся в получении участковым уполномоченным полиции денежного вознаграждения за непривлечение виновного к уголовной ответственности, хотя привлечение лица к уголовной ответственности (то есть вынесение постановления о возбуждении уголовного дела) не входит в должностные обязанности этой категории полицейских.

В рассматриваемом примере и ему подобных уголовных делах судья при вынесении приговора обязан при назначении наказания учесть все обстоятельства совершенного преступления, и в том числе совершение преступления полицейским «с использованием служебного положения», а помимо этого отягчающее наказание обстоятельство — «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел».

В результате суд, в силу действия критикуемого уголовного закона, обязан дважды учесть при назначении наказания фактически одно и то же обстоятельство.

Вызывает сомнения в соответствии Конституции РФ применение п. «о» ч. 1 ст. 63 УК и при назначении наказания за иные преступления, помимо преступлений коррупционной направленности. Так, ведь если сотрудником органов внутренних дел совершено преступление при исполнении его служебных обязанностей, то в этом случае в обязательном порядке решается вопрос о его привлечении к уголовной ответственности и за должностное преступление. Заметим, что при этом, с учетом разъяснений Определения Конституционного Суда РФ №1623-О-О от 08.12.2011, ч. 2 ст. 61 УК РФ применению не подлежит.

При получении сотрудником органов внутренних дел, являющимся должностным лицом, взятки его должностное положение в конкретном правоохранительном государственном органе следует учитывать при назначении наказания в рамках учета характера и степени общественной опасности, конкретных обстоятельств совершенного преступления в соответствии с положениями п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» № 2 от 11.01.2007. Но при этом, в свете Определения Конституционного Суда РФ № 1623-О-О от 08.12.2011, п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ опять подлежит применению.

Представляется, что если сотрудник органов внутренних дел совершил преступление не при исполнении служебных обязанностей (например, находясь в отпуске на курорте, нанес побои собутыльнику в пивной), то наказывать его в том числе за то, что он совершил это деяние, будучи сотрудником правоохранительных органов, нельзя: в данном случае сотрудник никоим образом не использует свое служебное положение или властные полномочия. Вместе с тем в силу разъяснений КС РФ суд должен будет снова применить нормы п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

На основании вышеизложенного мы критически относимся к отягчающему наказанию обстоятельству «совершение умышленного преступления сотрудни-

ком органов внутренних дел» и считаем, что практика его применения с учетом вышеуказанного определения КС РФ повлечет нарушение принципов равенства и справедливости и, соответственно, прав человека. В силу наших аргументов об отсутствии социальной и правовой обусловленности рассматриваемого отягчающего обстоятельства оно не может использоваться в ходе реализации уголовно-правовой государственной политики в области противодействия коррупции. Законной и разумной мы видим такую реформу, при которой п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ будет исключен из действующего уголовного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] В Москве раскрыли статистику по уголовным делам за взятки // Российская газета. — 2012. — 14 дек.
- [2] Елинский А.В. О критериях ограничения пределов усмотрения федерального законодателя в сфере уголовно-правового регулирования: практика Конституционного Суда России // Журнал конституционного правосудия. — 2010. — № 5.
- [3] Кленова Т. О равенстве и неравенстве. Политике не место в уголовном законодательстве // Юридическая газета. — 2011. — № 7.
- [4] Кригер Г.А., Кузнецова Н.Ф. Проблемы социальной обусловленности уголовного закона // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности. — М., 1977.
- [5] Медведев С.С., Лысенко А.В. Проблемные моменты статьи 286.1 УК РФ и обстоятельства, отягчающего наказание, — п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ // Общество и право. — 2010. — № 5.
- [6] Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. — М., 1996.

CLAUSE «O» ARTICLE 63 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ENFORCEMENT PROBLEMS IN THE ASPECT OF THE CRIMINAL LAW CORRUPTION STRUGGLE MECHANISM

G.I. Muromtsev, R.A. Sorochkin

The Department of Government and Law Theory and History
The Department of Criminal law and Procedure
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

Article contains theoretical and practical analysis of the criminal law, connected with clause «o» article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation enforcement, in the aggregate with the criminal law corruption struggle regulations.

Key words: corruption counteraction, award of a penalty, law enforcement agencies.